

18+

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ШТУРМ БЕЗДНЫ

КОЛЛАБОРАЦИЯ

Цикл
ОХОТНИК

Дмитрий Янковский

Штурм бездны: Коллаборация.

Цикл «Охотник»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66584430

ISBN 9785005547736

Аннотация

Мир возрождается, постепенно освобождая моря и океаны от жутких биотехнологических монстров, укрывшихся в глубине. Но солдатам подводных войн рано почивать на лаврах – разумные биотехнологические торпеды, мины, донные капканы и прочая нечисть, порожденная больной фантазией биоинженеров, все еще скалит зубы, нападает на мирные суда и портовые города. Только специально обученные отряды подводных охотников способны обеспечить безопасность судов и нанести по тварям решительный последний удар.

Содержание

Глава 1. «Сюрприз»	5
Глава 2. «Кислород»	18
Глава 3. «Удивительный человек»	31
Глава 4. «Бак»	44
Глава 5. «Новая власть»	57
Глава 6. «Барбара»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Штурм бездны: Коллаборация Цикл «Охотник»

Дмитрий Янковский

© Дмитрий Янковский, 2021

ISBN 978-5-0055-4773-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Сюрприз»

Меня разбудили чайки. Я привстал на кровати, расчерченной полосами пробивающегося через тростник солнца и откинул противомоскитную сетку. Потянувшись спросонья, я соскользнул на пол, надел темно-синие штаны, переступил деревянный люк, ведущий в подвал, и шагнул в открытый дверной проем, сощурившись от яркого света.

Чайки неподвижно висели в небе над кромкой берега, пользуясь набегаящим потоком свежего ветра, чтобы не тратить силы. Густо пахло океаном, солью, сухими водорослями, свежей рыбой. Издалека доносился стук поршневого мотора – похоже Чучундра с Ксюшей и Ритой тренировались в судовождении после хорошего улова.

Под босыми ногами скрипнули бамбуковые доски и я соскочил с крыльца в горячий песок, покрывавший Змеиный мыс от Залива до океана. Лишь в паре километров к востоку шумели пальмы.

Наши дома рассыпались, как горох, на приличном расстоянии один от другого. По сути, поселок вырос из палаточного городка, возведенного нами тут еще до высадки десанта, потом Вершинский пригнал сюда тяжелую технику, грейдеры подровняли неровности берега, и нам, как героям Перехода, было разрешено воздвигнуть тут жилища, хозяйственные постройки и получить этот участок берега в вечное

пользование. База же располагалась в северной части острова, в пределах восстановленного города Порт-оф-Спейн.

Впрочем, жилых домов было три. Один безраздельно принадлежал Бодрому, он себе подругу жизни так и не нашел, другой нам с Чернухой, а третий занимали Чучундра с Ксюшей и Ритой. Как ни странно, неуклюжие и нарочитые ухаживания Чучундры возымели на Ксюшу должное действие, и они сошлись очень близко. Трудно сказать, что было стержнем союза столь разных личностей, но он вышел крепким, грех жаловаться.

Остальные постройки поселка были хозяйственными сарайчиками, ангарами, эллингами, тренажерными площадками, а так же местами общего пользования, вроде нашей большой столовой и кухни, стилизованной под прибрежный ресторанчик.

Чучундра предложил назвать поселок и ресторанчик «Три сосны», что было диковато для здешних мест, но напоминало о детстве. В общем, никто не был против.

– Папа, папа! – раздался звонкий девичий голосок, и из-за дома выскочила Мышка в закрытом купальнике из тонкого неопрена цвета морской волны.

Она с разбегу бросилась мне на шею, соскользнула и повисла на руке, как на турнике.

– Ты уже вешишь, как торпеда малого класса, – рассмеялся я и закрутился на месте так, что у Мышки ноги поднялись в воздух.

– Почему малого? – спросила она с серьезным видом, когда я поставил ее на песок.

– Потому что ты малявка.

– Вот и нет! Дядя Бодрый мне принес галеты от настоящего пайка. Сказал, если буду их есть на завтрак, вырасту быстрее других в интернате, потому что это еда охотников.

– И что я тогда с тобой буду делать? – Я рассмеялся. – Поднять не смогу, катать на шее не смогу.

– Зато мы сможем дружить, как взрослые, – резонно ответила Мышка. – Как вы с мамой, или как тетя Змейка со своей Риткой.

– Не Риткой, а Ритой, – на автомате поправил я.

Мышка поморщилась и сказала:

– Знаешь, как надоело быть малявкой?

Честно говоря, я ее понимал. Сам бы ни за какие коврижки не согласился бы снова вернуться в шестилетний возраст.

– Где мама? – спросил я у нее.

Она махнула в сторону океана и умчалась за дом по своим детским делам. Иногда я волновался, что в «Трех соснах» не было сверстников Мышки, да и вообще детей, за исключением Риты, которую Ксюша удочерила, потому что своих детей иметь не могла. Но Рита почти на пять лет старше Мышки, не особо склонна играть в девчачьи игры, и на выходных все время проводила с Чучундрой и Ксюшей, проявляя искреннюю благодарность за освобождение из детского дома в Одессе, куда мы всей командой мотались в командиров-

ку, делиться опытом оборудования береговых баз. В общем, с Мышкой Рита не сдружилась совсем, а вот в приемных родителях души не чаяла. Но по здравому размышлению я решил, Мышке хватает детей в интернате, она за неделю там от них устает, а тут в выходные получает возможность прикоснуться ко взрослой жизни, что тоже неплохо.

Чернуху я нашел за обычным для нее утренним занятием – она, одетая в эластичные шорты и топик, работала в его же выстроенном «парке тумачков», как она его называла. По сути это был частично механизированный комплекс для отработки приемов рукопашного боя, состоящий из подвешенных на рамах мешков с песком и сухими водорослями, автоматизированных станков, способных наносить удары полимерными шарами, трамплинов и прочего в том же роде. Заметив меня, Чернуха ловко увернулась от двух, почти одновременных, ударов с разных сторон, кувыркот вышла из зоны контакта, ногой вышибла стопорный рычаг остановки механизма, поднялась и помахала мне рукой.

Я перемахнул через невысокий заборчик, ограничивающий «парк тумачков», обнял Чернуху и с удовольствием подхватил ее на руки.

– Уронишь же! – она рассмеялась.

– Ты же как кошка, встанешь на лапы, – отшутился я.

– Мур! – произнесла она, и лизнула меня в шею за ухом. –

На завтрак у нас свежая рыба. Чучундра со Змейкой наложили.

Я глянул на юг и увидел мощный катер, бороздящий темно-синие волны. Шел он малым ходом, оставляя позади жидкий шлейф выхлопного пара.

– Давай подождем Бодрого. – Я глянул время на экране офицерского коммуникатора. – У него дежурство до девяти, скоро примчится.

– Запросто. Сразу после тренировки есть вредно. Искупились?

– Давай. – Я поставил ее на песок. – Смотаюсь за гидриками.

Вообще вода была достаточно теплой, двадцать два градуса по эту сторону мыса, и двадцать шесть в заливе Пария. Но там мы не любили купаться. Сток Ориноко настолько опреснил воды залива, что никакой биотех не мог бы прожить там и нескольких минут, что сделало западный берег острова первым в послевоенной истории человечества морским курортом. Там было людно. Пойнт-Фортин за семь лет после высадки десанта охотников превратился в настоящую туристическую Мекку, даже еще один баллистический порт пришлось строить, чтобы не занимать мощности главного терминала, используемого охотниками. На берегу выросли отели, недоступные для поражения донными платформами, вдоль воды протянулись живописные набережные и трассы, по которым теперь катались богатеи на ярких турбокарах с открытым верхом. Нам там было скучно. Лишь прошлой осенью, на день рождения Мышки, мы с Чернухой решились

выбраться в дорогой ресторан Пойнт-Фортина. Пили коктейли, танцевали под живой оркестр, баловали Мышку мороженым, и отлично провели время. Но прожигать так жизнь было совсем не для нас.

Не смотря на достаточно теплую воду, мы редко купались без гидрокостюмов, лучше других зная опасные особенности океана, мало понятные тем, кто в воду за пределами залива заходил лишь пощекотать нервы и помочить ножки. За десять минут с человеком при такой температуре воды ничего не станет, да и за двадцать тоже, но все же наше тело имеет больше тридцати шести градусов, а огромная масса воды, прилегающая к коже, всего двадцать два. Это создает постоянный, почти незаметный отток тепла, из-за которого постепенно чуть хуже начинают работать мышцы, губы синеют, а кожа покрывается пупырышками наглухо закрытых пор. Курортникам это не мешает, они если ощутили, что замерзли, просто вышли на берег, и давай греться в шезлонгах. Но у нас была другая специфика. Для нас «искупаться» означало не просто веселое кратковременное времяпровождение, но и возвращение в отвоеванную нами у тварей стихию, ставшую местом нашей каждодневной работы. За исключением двух выходных в неделю, одним из которых был сегодняшний день.

Конечно, наши купальные гидрокостюмы сильно отличались от боевых глубинных скафандров со шлемами и водометами на каркасах. Вне службы мы использовали обыч-

ные дайверские неопреновые шорты и куртки с кольчужной сеткой против акул, поверх которых можно повесить самодельный легкий каркас с водометами, датчик радара, небольшой вычислитель с гиперволновым коммуникатором для общения под водой и пояс с глубинным кинжалом. Ничего лишнего. Бодрый, к примеру, даже радар с собой не брал, резонно полагая что биотехов в этих водах почти не осталось. Но меня и Чернуху в значительной степени мотивировала ответственность перед Мышкой, не позволявшая идти на неоправданный риск. Вместо шлема мы использовали небольшие маски, их года три назад начали промышленно выпускать для курортников, и мы их купили в магазине пляжных принадлежностей в Пойнт-Фортине.

Я притащил из кладовки ворох неопрена и снаряжения, мы с Чернухой за минуту это все на себя нацепили и с удовольствием бросились в ласковую волну, спешившую набегать на берег.

Ласты мы не использовали. Если двигаться медленно, они лишь мешают, держаться на воде можно и без них, особенно с дополнительной плавучестью, создаваемой балластными полостями каркаса, а если хочется скорости, то ласты не идут ни в какое сравнение с химическими водометами.

Под водой все другое, даже звуки. Низкие частоты почти пропадают, а привычный шум волн превращается в подобие ритмичного звона, словно серебряные песчинки высыпаются в золотое блюдо. На дне солнечный свет выписывал по-

стоянно меняющийся узор из пересекающихся белых полос на желтом песке. Местами можно было заметить колышущиеся по воле прибоя стебли морской травы.

Я привычно глянул на монитор локатора, хотя, конечно, Бодрый прав, и тварям здесь неоткуда взяться. Хотя бы по той причине, что весь остров в двадцати километрах от берега окружен полукольцом радарных буюв от материка до материка. В случае попытки прорыва, буи подадут сигнал тревоги, с базы выдвинется ударный отряд боевых пловцов, и тварь покрошат в капусту тяжелыми гарпунами. Другого исхода быть не могло. Человек уверенно стремился вернуть себе место на вершине пищевой пирамиды.

Пока хватало воздуха в легких, мы с Чернухой, прижав руки к бокам, врубили водометы, и описали две сходящиеся дуги, как это делают патрульные торпеды при нападении. Это уже привычка, отрабатывать тактику подводных сражений, даже играя.

«Махнем до катера», – предложил я жестами Языка Охотников.

«Наперегонки, – высветилось на экране коммуникатора. – Только дыхание перевести».

Она вынырнула первой, и я рядом высунул голову из воды, словно невзначай скользнув ладонями по ее гладкому телу в гидрокостюме.

Мы без особого труда задерживали дыхание на три минуты, а это под водой намного больше, чем кажется. За это вре-

мя на водометах, делающих двадцать километров в час, можно отмахать почти километр. До катера же оставалось чуть меньше, так что если хорошенько провентилировать легкие, можно было за раз преодолеть оставшуюся дистанцию.

Мы начали глубоко дышать, держась за руки, а когда уже в голове шуметь начало от переизбытка кислорода, я сказал: – На счет «три»! Раз, два, три!

Мы оттолкнулись друг от друга, ушли под воду, сделали там сальто и устремились к цели. На такой скорости тело в воде испытывает колоссальное лобовое сопротивление, и мне даже маску приходилось придерживать, чтобы ее не свернуло с лица потоком.

Это только кажется, что в соревнованиях на скорость выигрывает тот, у кого мощнее водомет, а если они одинаковые, то оба придут к финишу одновременно. На самом деле умение двигаться в воде, ловить ритм, изгибать тело, чтобы срывать вихревые волны, выбирать оптимальную траекторию, позволяло выиграть пару корпусов на дистанции в четверть мили при одинаковой мощности водометов.

Вскоре коммуникатор показал проход сканирующего луча сонара. Чучундра с Ксюшей тоже держали ухо остро, хрен к ним незамеченным подкрадешься, барракуда дери.

«Сюрприза не получится», – передал я жестами.

«Вижу», – появилась строка на экране коммуникатора.

Я крутанул «бочку», но до катера было еще далековато, чтобы заметить его глазами. Недостаток воздуха уже ощу-

щался, но я знал, что его точно хватит до катера, если не расслабляться.

Устав держать маску правой рукой, я решил перехватить ее левой и обомлел. На экране коммуникатора мерцала изумрудная искра радарной метки. От неожиданности я аж пузыри изо рта выпустил, но кричать-то тут было бессмысленно. Я вытянул руку вдоль тела и передал жест-иероглиф, означавший: «Внимание, биотехнологическая атака!»

В принципе, Чернуха далеко не салага, она сама должна была увидеть ту же метку, может даже раньше меня, поэтому я всерьез забеспокоился. Почему Чернуха не вышла на связь, не предупредила меня, не ответила?

Еще находясь под водой, я прижал экран коммуникатора, чтобы вывести параметры метки. Это была огромная малоглубинная автономная торпеда МАТ-300, очень редкая тварь, не входящая ни в патрули, ни в боевое охранение донных платформ. И она была очень близко – между нами и катером.

Если бы она взорвала свой заряд в триста килограммов нитрожира на таком расстоянии от нас, составлявшим не более пятидесяти метров, нас бы ударная волна под водой в блин сплющила. Но торпеда почему-то не взрывалась. Честно говоря, у меня даже крамольная мысль в голове родилась, что это Чучундра так развлекается, взяв где-то нейрочип от торпеды. Но я ее отогнал, эту мысль. Во-первых, есть незыблемое правило – глубина шутников не любит. Во-

вторых, нейрочип, по сути, часть мозга, и это надо неслабо постараться, чтобы не только целехоньким выковырять его из головы у торпеды, но и сохранить живым несколько дней.

То, что тварь не взрывается в такой удобной для взрыва позиции, когда она без труда может поразить двух пловцов и катер в придачу, было странно. Но меня сейчас волновало не это, и не то, каким путем она умудрилась прорваться через радарное заграждение, не подняв тревогу. Меня куда более беспокоило, почему Чернуха не отзывается. Но мне нужно было глотнуть воздуха, чтобы разобраться с этим.

Пришлось вынырнуть.

Высунув голову из воды, я увидел катер, лежащий в дрейфе, видимо Чучундра остановил машину, когда сонар показал наше появление.

– На локатор посмотри! – крикнул я ему во все горло. – Торпеда! МАТ-300!

Рита вытаращилась на меня со смесью удивления и страха, а Ксбша вскочила с баночки.

– Что? – спросила она, опершись руками о борт.

– У вас сонар, наведите меня на Чернуху! «Воздушка» есть?

Ксюша лишь развела руками. Аппарат для дыхания сжатым воздухом они, похоже, не взяли. Я провентилировал легкие, и нырнул, врубив водомет.

На боевых скафандрах, в которых мы сражаемся под водой, есть специальные метки, показывающие положение

каждого из боевых пловцов. Но в гидрокостюмах, купленных в магазине пляжных принадлежностей, их, разумеется не было, да и в самодельный каркас впендюрить такой маячок никому из нас в голову не пришло. Это же костюм для купания, а не для штурма донной платформы! Но сейчас я бы многое отдал за возможность видеть Чернуху на экране коммуникатора.

«Здесь Чучундра. – появилась на мониторе строчка. – Даю прямой канал с сонаром».

По экрану пробежала зеленоватая рябь, и появилась та же картинка, которую сонар выдавал на штурманский пульта катера. Я добавил к ней метку компаса и почти сразу увидел продолговатую изумрудную каплю торпеды.

Вот только с этой проекцией все было не так, как должно. Во первых, она была значительно меньше, чем МАТ-300. А во-вторых, она вообще была какой-то неправильной формы.

Лишь через секунду до меня дошло, что происходит. Это не взрослая торпеда была, а личинка, уже набравшая процентов сорок от своей боевой формы, но еще не способная взрываться в виду недоразвитости детонационной мышцы. И она не преодолевала радарное заграждение! Икринку скорее всего занесло из океана течением, а она, в отличие от личинки, не имеет мозга, значит и радарной метки. Ее пронесло мимо боев обнаружения, занесло в относительно теплые воды близ острова, она вылупилась и начала кормиться, а ее неправиль-

ная форма на сонарной проекции объяснялось тем, что скорее всего она держала в зубах Чернуху.

Глава 2. «Кислород»

Когда я представил, как хищная тварь схватила зубами Чернуху и не дает ей подняться к поверхности, чтобы вдохнуть воздуха, мне стало по-настоящему дурно. Прямо ворох воспоминаний пролетел перед глазами, но времени на рефлексии не было совершенно. Личинка такого размера могла без особого труда откусить человеку голову. Возможно, это уже произошло, и тогда от меня ничего уже не зависело, но если не произошло, мне придется задействовать все самообладание, чтобы не дрогнуть в столь важный момент. Вот только полностью отстроиться от эмоций все равно не получалось.

Хуже всего, что Чернуха без воздуха. Даже если ей удалось каким-то образом оберечь крупные артерии от зубов, она уже в любом случае потеряла сознание и захлебнулась, поэтому счет идет на секунды, чем их больше пройдет, тем труднее будет Чернуху реанимировать. Я же только что как следует провентилировал легкие, и мне хватит воздуха минуты на две, а больше и не нужно, так как или я через две минуты вытащу Чернуху, или нас обоих вытащат спасатели через час.

Я врубил водометы и спикировал в глубину, наводясь по компасу и сонарной метке. Через десять секунд мы с тварью установили визуальный контакт. Ее шесть глаз против

моих двух. Страшная она, конечно, до одури, к этому хрен привыкнешь, словно демон через трещину дна выбрался из самого ада. Конечно, тела тварей разрабатывались ради высочайшей эффективности, на основе сильно измененного генома ряда морских существ, чтобы броня защищала тело, глаза видели больше, дальше, объемнее, а органы обоняния и слуха значительно превосходили природные. Но до чего же жуткий получился результат! Без оторопи не взглянешь даже на чучело, а тут живая боеспособная тварь в глубине.

Увидев меня, личинка выпустила из пасти Чернуху, и она спиной вниз начала погружаться, оставляя за собой четыре отчетливых шлейфа крови. Голова у нее была на месте, это главное, кровопотеря, судя по шлейфам, тоже не катастрофическая. Сработал вычислитель ее костюма, он отследил отсутствие пульса, и попытался надуть балластные полости газом из водометного картриджа, чтобы поднять пострадавшую на поверхность. Алгоритм был отличный, да только балластные емкости пробило зубами твари, и вверх начал подниматься лишь поток пузырей, а не Чернуха.

«Чучундра, вытаскивай Чернуху, я отвлеку тварь!» – передал я на катер жестами.

Чучундра тут же перевалился через борт с кинжалом в руке и в одних плавках. Быстро сработал, словно ждал команды, но тварь хотя и не доросла до взрослой стадии развития, соображала прекрасно. Она махом вычислила, что я под водой дольше, кислорода у меня в крови остается меньше,

значит, я представляю меньшую опасность, чем Чучундра, нырнувший свеженьким. Как торпеды вообще определяли, что мы ныряем на задержке дыхания, а не с «воздушкой», оставалось лишь гадать. То ли ультразвуком сканировали отсутствие дыхательных колебаний грудины, то ли по запаху определяли состав крови – не важно. Куда важнее теперь было разубедить тварь в неверно сложившемся представлении о степени моей безопасности.

Я изменил положение тела, выхватил глубинный кинжал и врубил водометы на полную, взяв атакующий курс. Но я не успел до твари добраться, как она попыталась схватить Чучундру. Однако тот тоже не пальцем деланный, увернулся от зубов, хотя был без водомета и гидрика, она за ним потянулась, выгнулась, шарахнула хвостовыми щупальцами по днищу катера, как следует его раскачав, но не успела рвануть вперед, напоровшись брюхом на мой кинжал. Не так чтобы рана вышла серьезной, но тварь это разозлило, она завертелась штопором, оставляя кровавый след, описала длинную дугу, и лишь потом бросилась за Чучундрой. За это время он успел донырнуть до рифа, а там его с разбегу не взять. Я же почему-то вообще выпал из зоны внимания личинки. Меня это даже несколько оскорбило, ведь результативный удар ей нанес именно я.

«Я займу тварь, вытаскивай Чернуху! – скомандовал Чучундра. – У тебя водометы!»

Я прикинул, что он прав. И хотя у него было меньше шан-

сов выиграть схватку с личинкой, чем у меня, но зато у меня было больше шансов поднять Чернуху. Как минимум потому, что у меня были водометы, а у Чучундры нет.

Я сделал «мертвую петлю» и устремился вниз, ориентируясь по пузырькам поднимающегося газа. Из-за активных действий недостаток кислорода в крови уже ощущался значительно, но у меня мысли не было всплыть подышать, когда Чернуха уже почти три минуты не дышит.

Я ее увидел в луче солнца, который пробивался сквозь воду, сбросил тягу водомета, крепко ухватил за каркас, и так поддал, что мне нос маской сплющило до слез в глазах. К счастью, когда ныряешь на задержке дыхания, кессонка не страшна, можно выныривать с любой скоростью, и нет проблем.

Я пробил поверхность воды рядом с катером, и Ксюша с Ритой тут же вытянули Чернуху на палубу.

– Адреналин из пакета! – выкрикнула Ксюша.

Рита, дрожа от волнения и страха, достала из медицинского контейнера нужную капсулу и снарядила ее в инъектор.

– Ты долго тут будешь прохлаждаться? – Ксюша покосилась на меня. – Там Чучндра!

На самом деле со своего места она не могла видеть сонар, а у меня прямо перед носом светилась проекция на коммуникаторе. В общем, там не все было так просто, и мне нужно было срочно принять решение.

– Хватит слезы лить, ныряй! – повторила Ксюша.

– Это не слезы! – огрызнулся я. – Маской нос надавило. Не кипи, мне не хватит времени догнать Чучундру, если я сейчас просто нырну.

Ксюша сделала Чернухе укол в сердце, и только когда у той легкие сжались, выплевывая воду вместе с кашлем и рвотой, смогла посмотреть на сонар. Там торпеда тащила Чучундру в глубину, ухватив зубами, кажется, в районе груди, а на нем даже куртки не было с кольчужной прослойкой.

Я не знал, что делать, я растерялся. Я понимал, что у нас с личинкой почти равная скорость, и понадобится больше трех минут, чтобы ее догнать. Мне не хватит времени задержки дыхания.

Но тут среагировала Ксюша. Она бросилась к моторному отсеку, вывернула из него гидролизную ячейку, оторвав штуцеры от впускных патрубков, кинула ее на палубу, а мне в руки сунула кислородный шланг.

– Дыши! – приказала она. – Чистый кислород насытит кровь намного эффективнее!

Ход был рискованным, так как чистый кислород в легкие, да еще при атмосферном давлении, это и окочуриться можно. Но тут уж выбирать не приходилось. Я сунул шланг в рот, но Чернуха в это момент начала биться в жутких конвульсиях, Ксюша прижала ее к палубе, начала делать искусственное дыхание и массаж сердца, крикнув дочке:

– Рита, прокачку!

Та, заливаясь слезами, бросилась к ячейке и начала вруч-

ную раскачивать привод газовой помпы, подавая мне порции кислорода в рот. В голове зашумело, я выплюнул шланг и нырнул, выдавливая газ из балластных цистерн, чтобы обеспечить телу отрицательную плавучесть. Сверившись с сонаром, я врубил водометы на полную и устремился вслед за биотехнологическим чудищем, пытавшимся утащить в пучину моего друга и командира.

К счастью, тварь с Чучундрой в пасти двигалась значительно медленнее меня. При этом я не ощущал ни малейших признаков удушья, словно сделал до этого инъекцию дыхательного грибка.

Всего за минуту я догнал личинку и полоснул кинжалом по хвостовым щупальцам, чтобы снизить ее маневренность. Еще секунда, и я бы вогнал клинок в одно из самых ее уязвимых мест сзади, под панцирем, но она угадала мое намерение, выпустила из зубов Чучундру и резко прибавила ходу.

Гоняться за ней я не имел ни малейшего желания. С биотехнологической меткой ей не уйти за радарное ограждение, буи все равно поднимут сигнал тревоги, прибудет отряд боевых пловцов и уничтожит тварь. Сунуться в залив Пария и натворить дел на курорте она тоже не могла, так как там вода опреснена обильными стоками дельты Ориноко. В общем, надо было не геройствовать, а спасать Чучундру.

При беглом осмотре трудно было понять, насколько он пострадал. На груди и спине виднелись кровоточащие раны, но гораздо менее страшные, чем я ожидал. Создавалось ощу-

щение, что личинка по какой-то причине не смогла сжать челюсти в полную силу, но не было времени выяснять почему именно.

Я обхватил Чучундру, пропустив руки у него под мышками, и дал водометам полную тягу. Уже у поверхностиглянул на секундомер, оказалось, что я полных пять минут под водой, и до сих пор не возникало ни малейшего желания дышать. Плохо было другое – если я пять минут потратил на миссию, значит, Чучундра не дышит минуты три, так как две минуты из этого времени у него еще сохранялся кислород в крови. Три минуты – это много, когда речь идет о клинической смерти.

Вынырнув у катера, я приподнял Чучундру, чтобы Ксюша с Ритой могли его придержать, сам выполз на палубу и помог окончательно затащить его через борт. Чернуха лежала возле развороченного моторного отсека, губы у нее были синими, но я заметил, что она дышит.

Рита, умничка, без команды достала из контейнера нужную капсулу, снарядила инъектор и передала Ксюше. Та ввела дозу адреналина Чучундре в сердце, и начала интенсивно делать искусственное дыхание и массаж грудины. Я прикинул, что запальная цепь мотора подводит к камерам сгорания напряжение тридцать тысяч вольт, это слишком много для попытки запуска сердца, можно его повредить, так что эту идею я сразу выкинул из головы.

Но через несколько секунд Чучундра закашлялся, у него

началась рвота, и мы с Ксюшей переложили его на бок, чтобы снова не захлебнулся.

– Надо гнать в спасательный центр, – заявила она. – Но я гидролитическую ячейку выдрала вместе со шлангами. Без водорода мотор работать не будет.

– Хорошо, что ты ее выдрала не с проводами, – пробурчал я. – Так есть шанс поставить обратно. Если мы придвинем ее достаточно близко, к отсеку, Рита просунет в щель свои маленькие руки и сможет надеть шланги на патрубки.

– Я смогу! – воодушевилась Рита.

Мы с Ксюшей придвинули гидролизный блок к моторному отсеку, я держал его снизу, она прижимала так, чтобы только рука Риты пролезла, иначе длины шлангов не хватит, чтобы надеть их на патрубки.

– Тут горячее все, но один я надела, – прокомментировала Рита. – Водородный.

Но в этот момент вернувшаяся личинка торпеды мощно ударила в днище катера. Ксюша не удержалась, повалилась на спину, а я едва удержал ячейку, чтобы она не расплющила трубки реактора при падении на палубу. При этом мне чудом удалось не выдернуть уже надетый на патрубок шланг.

– Прижми ячейку к отсеку и держи! – велел я Рите. – Просунь руку внутрь и подай мне кислородный шланг.

Она с трудом вытянула шланг через узкую щель и подала мне. Личинка снова ударила, на это раз в борт, из-за чего катер опасно накренился.

– До помпы достанешь? – спросил я Риту.

– Попробую.

Ксюша придвинулась ближе и схватила ячейку вместо меня, Рита дотянулась до помпы и начала качать мне в глотку оставшийся кислород из реактора. Я провентилировал легкие, уже зная, как это работает, сменил картридж питания водомета, и щучкой бросился в воду.

Личинка к этому времени развернулась и готовилась к новому удару. Я примерно понимал, как у не мозг работает, какие инстинкты зашили ей в голову инженеры-генетики, поэтому решил не становиться у нее на пути, а чуть снизил степень плавучести и опустил метра на три в глубину.

Тварь, конечно, все внимание переключила на меня. Катер был для нее сложной целью – взрываться она еще не умела, а перевернуть судно, пусть и маломерное, не так-то просто. Я же – вот он, бери в зубы и тащи в глубину.

Личинка изогнулась и спикировала на меня, но я заметил, что двигается она не так резко, как раньше – сказывалась потеря крови и нескольких хвостовых щупалец. Я же с бурлящей от кислорода кровью чувствовал себя замечательно и задыхаться не собирался.

Увернувшись от первого удара, я скользнул вдоль огромной туши, нашел щель между боковыми пластинами ее панциря и просунул туда острие клинка. Там находился нервный центр сенсоров перепада давления, и когда я в него попал, тварь дернулась, словно ее током ударило, выбила у ме-

ня из руки кинжал, да и меня знатно приложила.

От шлепка по спине широкими рулевыми концами щупалец у меня часть воздуха из легких вылетела крупными пузырями, к тому же я остался без оружия, а это не очень хорошо в сложившейся ситуации. Пришлось извернуться, врубить водометы и спицей устремиться вниз, за кинжалом. Тварь помчалась за мной, но ее раны давали о себе знать, и она начала отставать.

Это дало мне время поймать кинжал и схватиться за рукоять

«Как бы не напала снова на катер», – подумал я, сбросил тягу водометов, крутанул на скорости «бочку» и, описав вертикальную дугу, вышел с торпедой на встречный атакующий курс.

Она раскрыла пасть, я сразу понял, почему тварь не смогла со всей силы сжать челюсти, когда тащила Чучундру. Тот успел воткнуть ей кинжал в верхнее небо, из-за чего попытка стиснуть зубы грозила проникновением клинка в мозг. Тварь чувствовала угрозу и челюстями работала с осторожностью, держа пасть приоткрытой.

Это навело меня на весьма продуктивную мысль. Тыкать ножом в здоровенную тушу можно до вечера, а я хоть и провентилировал легкие кислородом, на несколько часов эффекта точно нее хватит. От потраченных усилий я уже ощущал нарастающее желание сделать вдох, так что следовало расправиться с тварью как можно быстрее. Когда я увидел

торчащий из верхнего неба личинки кинжал, я понял, как ее надежно угробить.

Тут даже большой сноровки не требовалось, надо было лишь не дрейфить, и все.

Тварь приближалась ко мне, распахнув пасть и раскрыв жабры для лучшего газообмена, а я отстегнул каркас с водометом, не снимая его со спины, чтобы не спугнуть добычу, дождался, когда между нами останется не больше трех метров дистанции, и дал водомету полную тягу. Его так мощно сорвало с плеч, что меня раскрутило, кубарем пустив вниз, а сам водомет влетел в пасть, застрял в горле, давлением изнутри разнес жабры в клочья, а когда тварь рефлекторно захлопнула челюсти, ее голова разлетелась кровавыми клочьями и обломками черепа.

Несколькими мощными гребками рук я стабилизировал тело в пространстве и увидел сверкнувший в солнечном свете кинжал Чучундры, опускавшийся вместе с фрагментом кости. Я его выдернул, сунул за пояс и поспешил к поверхности, так как без дыхания уже красные искры плясали в глазах.

На палубу мне помогла выбраться Рита, потому что Ксюша держала ячейку. Я отдышался, хватая ртом воздух и показал поднятый вверх большой палец, еще не в силах произнести ни слова. Затем подполз к моторному отсеку и помог Ксюше придерживать гидролизер, пока Рита цепляла кислородную трубку к патрубку. Когда она с этим закончила, мы

установили ячейку в отсек и запустили мотор.

– Гони в Пойнт-Фортин, к спасателям, – прохрипел я, ощущая, как горят голосовые связки. – Я чуть полежу.

Ксюша устроилась за штурвалом, не сводя взгляд с сонара. Там видно было, как дохлая туша личинки медленно всплывает, надутая газом.

Чернуха и Чучундра лежали рядом, оба дышали, и это главное. Ксюша вывела сектор тяги на средний ход, чтобы волнами не сильно било о днище в режиме глиссирования, развернула катер и повела к проливу между Змеиным мысом и материком.

– Как ты ее грохнул? – спросила Ксюша.

– Водомет ей скормил, – шепотом ответил я.

Говорить громче не получалось.

– Дядя Бодрый сдохнет от зависти, – предрекла Рита.

Ксюша на нее покосилась, мол, следи за языком, а я лежал и пялился в небо, где кружили чайки – вечные морские охотники.

Через пару минут от тряски пришел в себя Чучундра. Я протянул ему кинжал, тот повертел его с удивлением и спросил, едва шевеля губами:

– Мой?

– Конечно. Не мог же я оставить тебя без оружия. Мой в ножнах.

Чучундра глянул на мой пояс. Кинжал, действительно, находился в ножнах.

– Не слабо, произнес он.

Следом и Чернуха подняла веки, затем привстала, потребовав от меня немедленного отчета о произошедшем. Говорить было трудно, поэтому я, без затей, принялся пересказывать им ход битвы жестами, а они лишь смотрели, округлив глаза.

Глава 3. «Удивительный человек»

Поскольку все более или менее очухались, не смотря на полученные ранения, Ксюша приняла решение не заходить на катере в Пойнт-Фортин, а сразу погнала в северную часть залива, в восстановленный город Порт-оф-Спейн, чтобы передать нас в руки наших врачей, а не гражданских. Она вышла в эфир на служебной волне, по форме доложила о произошедшем дежурному диспетчеру, сообщив число потерь ранеными.

Когда мы причаливали, в пирсовой зоне нас уже ждал гравилет медицинской службы. Ксюшу с Ритой не взяли на борт, а нам приказали лечь на носилки, и не выделяться, хотя мы пытались геройствовать. В отряде охотников служили только самые лучшие врачи, проходившие жесточайший отбор, а потому с ними на медицинские темы можно было даже не спорить. К тому же все они были званием выше нас, так что все их рекомендации одновременно являлись приказом, а тут уже точно не повыделываешься.

Нас перевезли в госпиталь, осмотрели, выяснилось, что Чернуха отделалась, можно сказать, легким испугом и парой царапин, так как была в гидрике с кольчужной сеткой, а вот Чучундра получил несколько проникающих ранений клыками в живот и его увезли в операционную, зашивать. Порезы Чернухи прошли полимерными скобами прямо в кабинете

врача и посоветовали пару дней не загорать на солнце. Мне велели прополоскать горло смягчающим гелем и поменьше болтать в течение суток, просканировали легкие, поцокали языками, сказали, дескать, если почувствуешь себя плохо, обращайся, а так вроде бы все нормально.

В командировках на материковые базы все мы сталкивались с гражданской медициной, в той или иной степени, чаще наблюдая со стороны, но я пришел к интересному для меня выводу о разнице между тем, как ведут себя гражданские доктора и как обращаются с пациентами врачи отряда охотников. Первые очень тщательно изучали болезнь и больного, назначали кучу анализов и тестов, совещались между собой, ставя диагноз, а затем, кроме основного лечения, прописывали еще и общеукрепляющее, хотя и то, и другое, зачастую не имело вообще никакого действия, человек как болел, так и продолжал болеть, и вынужден был обращаться к медикам снова и снова. Врачи охотников концентрировали все внимание на главной болезни, ко второстепенным относились по принципу «когда заболит, тогда и придешь», лечили интенсивно и до предела эффективно, хотя почти всегда некомфортно. В сравнении я понял, что разница эта обусловлена тем, что гражданские врачи получают деньги только пока человек болен, а врачи охотников стоят на довольствии только пока все их пациенты здоровы. Ну, или подавляющее большинство.

Пока я лежал на сканере, в госпиталь примчался Бодрый,

причем, зараза, даже с цветочками, которые фиг знает где успел нарвать. Чернуха выразила опасение, что росли они некогда на клумбе у штаба, но букетик приняла, не смотря на полное отсутствие у Бодрого доказательств законности приобретения.

Мы попытались выяснить у дежурного врача, когда отпустят Чучундру, но получили ответ, что сегодня мы можем его не ждать, так как штопали его под общим наркозом, и отходить он от него будет еще несколько часов. Нас же никто больше не держит, а если у кого что заболит, посоветовали йодом помазать.

Пришлось нам всем лазаретом топать по набережной к пирсовой зоне, где мы надеялись застать Ксюшу с Ритой. Конечно, в том случае, если они, устав ждать, не умчались на катере в «Три сосны». На этот случай мы заранее решили нанять водное такси, оно ходило вдоль берега залива и на нем можно было добраться до Змеиного мыса, высадившись на северном берегу. А вот выходить в океан через пролив частники побаивались, не смотря на буи ограждения. Все же страх перед биотехами не улетучился даже после наших громких и многочисленных побед.

Чернуха чуть прихрамывала из-за легкого растяжения связок, но вид у нее был довольный, она улыбалась, нюхала цветочки и балагурила с Бодрым, так как из меня собеседник был еще таксебечный.

Добравшись до пирсовой зоны, мы обнаружили ошварто-

ванный пустой катер, а в нем записка на листке писчего пластика: «Мы в кафе „Аравак“ на набережной». Ксюша, как всегда, поступила мудро – не кинула нас одних без транспорта и не жарилась в катере под солнцем, а повела Риту в прохладное кафе, где ее можно угостить мороженым. Мы повернули на набережную и двинулись к кафе.

Наконец Бодрый не выдержал и спросил:

– Как ты торпеду убил?

– Не торпеду, а личинку МАТ-300, – ответил я, чувствуя, что голос постепенно возвращается, но не совсем мой.

– Да, барракуда дери, там же личинка на две сотни кило потянет! Чернуха сказала, карабинов у нас не было.

– Конечно, мы же просто искупаться хотели, – подтвердила она.

– Настоящий охотник способен убивать биотехов одним намерением, – отшутился я.

– Не гони. Правда, как? Неужели кинжалом?

– Кинжалом ее хрен возьмешь. – Я покачал головой. – Во-первых, панцирь повсюду, кроме брюха, во-вторых, даже если в брюхо, она на раны не особо реагирует. Кинжал выручил Чучундру, он вогнал клинок твари в верхнее небо, когда она его сцапала, поэтому она его не смогла как следует прикусить.

– А потом? – не унимался Бодрый.

– Ну, я ее приманил поближе, подождал, когда она пасть раскроет, и зафигачил ей в глотку водомет на полной тяге.

Вот ей башку давлением и разнесло.

— Ну, ты даешь! Повезло. — Видно было, что зависть его гложет, как Рита и предполагала.

— Сноровка и никакого везения, — ответил я.

Бодрый это съел, но дуться не стал. Он вообще по ряду причин не дулся ни на меня, ни на Чучундру. Были у нас с Чучундрой рычаги воздействия на него. Точнее не то чтобы были, но Бодрый уверен, что они у нас есть, а этого вполне достаточно для легкой и ненавязчивой коррекции поведения.

Добротно выстроенное из бамбуковых бревен кафе покрывали широкие пальмовые листья. Окна без стекол, что позволяло морскому ветру свободно бродить в тени между столиков. Вход охраняла деревянная статуя индейца, выкрашенная в цвет томатного сока. И мне сразу захотелось сангриты, такой, ядреной, с большим количеством огурца, перца и сельдерея.

Посетителей в кафе было немного, пятеро охотников в форме занимали три столика, а за четвертым сидели Ксюша с Ритой, которая, как я и предполагал, доедала мороженное с кусочками банана и ананаса. Мы попросили у управляющего разрешения сдвинуть столики и он, подозревая, что мы собрались праздновать какую-то из глубоководных побед, тут же дал согласие.

Это навело Бодрого на мысль действительно отпраздновать выигранную рукопашную схватку с торпедой, о чем он

громогласно заявил. До меня только в этот момент дошло, что же мы с Чучундрой сделали. До этого нервное напряжение и волнение за друзей не давало оценить ситуацию адекватно.

– Да, повод есть, – подхватила Чернуха.

Ну, мы и начали праздновать. Заказали три больших тарелки с салатами, всем по стейку, включая Риту, каждый себе выпивки, а Рите здоровенный кувшин лимонада. Я взял сангриту, тоже в кувшине, и три шота текилы, для разминочки. Чернуха тоже взяла текилу, но с лаймом, она так любила.

– Ну, за превосходство человека над тварью! – выдал Бодрый первый тост, подняв шот с белым ромом.

Мы подхватили, чокнулись, закусили салатом в ожидании стейков. Сангрита на жаре пошла хорошо, так что я моментально взбодрился.

Второй тост мы традиционно махнули за товарищей, с которыми идти в бой, а третий подняли за тех, кого нет рядом. И все, конечно, сразу подумали про Вершинского.

– За Хая, – уточнил я.

– За него! – хором ответили остальные.

Тост вышел с оттенком грусти. Конечно, мы все скучали по Железному Хаю. Да, он бывал с нами резок, да, мне неоднократно хотелось воткнуть ему гарпун в задницу, но не было на всей Земле человека, который бы сыграл в нашей жизни более важную роль, чем он. Впрочем, важнейшую роль он сыграл в жизни всех людей на планете.

Два года его уже не было с нами, и вспоминали мы о нем не так уж и часто, скорее по таким вот поводам. Но день, когда мы узнали о его смерти, запомнился навсегда.

Сезон дождей был в разгаре, пальмы сотрясались и шумели от шквалистого ветра, а потоки дождя били в песок на пляже, оставляя глубокие лунки. Долго, очень долго выла сирена на базе, и я сразу понял, что умер Вершинский. Было одиннадцать утра, хмурые тучи неслись над островом, мы вышли из домов и смотрели на север, слушая, как воет сирена.

Он умер в госпитале. Когда нас с Ксюшей вызвали в адмиралтейство, тело его уже перенесли в вестибюль, и оно лежало в акриловом боксе, одетое в парадный темно-синий мундир с золотым аксельбантом. Лицо Вершинского было спокойным, он все и всегда принимал, как должное, даже смерть. Что чужую, мы видели это много раз, что свою. Свою даже с намного большим спокойствием. Я вообще замечал, что за маской Железного Хая он прячет достаточно тонкую натуру, и иногда перегибает палку, чтобы этого не понял никто. Но мы все с ним были слишком тесно знакомы, чтобы этого не понять.

Почему в завещании он указал именно нас с Ксюшей, а не всю команду, поначалу не понял никто, но никто не обиделся. Было в этой последней воле что-то неуловимое, недосказанное, какой-то очень глубокий подтекст, на осознанном уровне нам непонятный, но не имеющий возражений

на уровне подсознания.

Нас с кортежем провели в зал совета и вручили запечатанные конверты. Два на мое имя, один на Ксюшино.

В одном из моих конвертов давались точные распоряжения о порядке проведения похорон. Они были связаны с тайной, которую знал только Вершинский и члены нашей команды. Но мы с Ксюшей прочувствовали ее намного глубже, чем Чернуха, Чучундра и Бодрый, видимо поэтому Вершинский только нас двоих определил в душеприказчики.

Часть текста мне надлежало прочесть с трибуны совета адмиралтейства. Я поднялся на подиум, включил микрофон и обратился к собравшимся адмиралам от имени Вершинского:

– Уважаемые адмиралы совета! Я всегда мечтал умереть в океане, иногда даже стремился к этому, но, если вы слушаете эту мою посмертную волю, значит, судьба сложилась иначе, и это надо исправить. Охотникам Змейке и Долговязому я поручаю довести историю моей жизни до логичного завершения. Я не прогибался под обстоятельства при жизни, не намерен этого делать после смерти. Змейка и Долговязый разместят акриловый саркофаг с моим телом на борту батиплана, некогда названного «Шпик толстогузый», и направят его за пределы радарного заграждения с тем, чтобы навсегда отдать на волю океана и тварей, оставшихся в нем. Я всегда считал, что убить меня смогут лишь они, но раз им это не удалось, и я оказался сильнее, пусть они теперь вы-

полнят работу по кремации моего тела, согласно моей последней воле. Все технические действия по установке саркофага на борт и программированию курсового автомата я поручаю охотникам Чучундре, Змейке, Чернухе, Долговязому и Бодрому. Церемонию оправки корабля приказываю провести на Змеином мысе, в месте, которое отведут для этого охотники Змейка и Долговязый.

Я дочитал фрагмент текста, предназначенный совету, поклонился, сложил лист, сунул его в карман и, в сопровождении эскорта, спустился в вестибюль. Там я постоял немного у прозрачного саркофага, зная, что на прощание у меня еще будет время в значительно более подходящей обстановке, взял Ксюшу под руку и мы вышли под падающую с неба лавину воды.

Другую часть текста я должен был прочесть всей команде, Ксюше, Чучундре, Чернухе и Бодрому. Нам выделили гравилет, доставили в «Три сосны», и там, собравшись с друзьями под крышей нашего общего ресторанчика, я прочел:

– Дорогие мои друзья. Я не всегда вел себя с вами корректно, но такова моя натура и таково время, в которое довелось нам жить. Надеюсь, вы не в обиде, и цените то, что нам удалось сделать вместе. Это не мало. Мой путь в этой жизни завершен и мне хотелось бы закончить его подобно древним мореходам-викингам, на борту моего корабля. Никто из совета не знает, что наш батиплан имеет обшивку с неуязвимой броней. Никто и не должен узнать. Пусть дума-

ют, что отправляя его в океан, вы отдадите меня на кремацию тварям. На самом деле моя идея в другом. Биотехам не удалось одолеть меня при жизни, не удастся достать и после смерти. Запрограммируйте курсовой автомат так, чтобы батиплан на маршевом двигателях вышел в еще не освоенный нами Тихий океан, и там барражировал бы от Антарктиды до Арктики и обратно в вечном цикле на глубинах, доступных лишь нам. Твари могут уничтожить все средства обнаружения и камеры, но те более мне не нужны. Твари могут выбить лопатки маневровой турбины, но это меня не остановит. Им не пробить броню, не погасить прямоточный двигатель, так пусть он несет мое тело через океаны по проложенному вами маршруту. Спасибо. Берегите друг друга и будьте счастливы. Ваш Железный Хай.

Девчонки не выдержали и расплакались.

– Ладно, хватит киснуть, и так ливень лупит, – сказал после паузы Чучундра. – Приказ Хая! Готовимся к погружению!

Саркофаг гравилетом привезли в «Три сосны», и почти две тысячи охотников, выгрузившись с кораблей, выстроились на песке вдоль океана поротно и повзводно, отдавая салют Великому Хаю. Мундиры на всех промокли до нитки, но никто не обращал на это внимание – стойкие, как всегда.

Нам помогли погрузить саркофаг на траурно украшенный катер, мы вывели его на точку затопления батиплана, после чего Чернуха с Чучундрой нырнули. Чучундра, чтобы

открыть шлюз командирским кодом, Чернуха, чтобы запрограммировать курсовой автомат. Справившись с этим, они вывели «Толстозадого» в надводное положение, после чего мы опустили саркофаг через шлюз, перенесли в отсек арсенала и накрепко принайтовали на месте некогда стоявшего там контейнера со снаряжением.

Это было время, когда каждый мог попрощаться с Вершинским в тесном кругу и без лишних глаз.

– Спасибо, Хай, что мы теперь вместе, – произнес я.

Мы выбрались на броню, задраили шлюз командирским кодом, чтобы никто и никогда не смог его отпереть без нашего ведома, перелезли в катер и вернулись на берег.

Вскоре начала выполняться программа Чернухи – батиплан двинулся сначала малым ходом в надводном положении на маневровых турбинах, затем ускорился, скрылся под водой, и врубил маршевый, выбросив в воздух клубы пара. Установленные на берегу ракетно-бомбовые установки дали салют сигнальными снарядами, состоящий из тридцати четырех залпов, по числу стационарных баз охотников по всему миру.

К вечеру, когда охотники и члены адмиралтейства покинули Змеиный мыс, мы уложили детей спать по домам, сами собрались в нашем импровизированном ресторанчике и как следует напились. Так, до зеленых чертиков, чтобы немного приглушить накатившую боль.

За два года она отступила конечно, и дождя давно уже

не было, и собрались в «Араваке» мы по радостному поводу, но третий тост на всех нас навеял эти воспоминания.

Мы выпили за Вершинского и закусили как следует, стейками.

– Он бы нами гордился, – произнесла Ксюша.

– Он и гордился, – добавила Чернуха. Удивительный был человек, удивительную жизнь прожил, удивительное дело довел до логичного завершения, и даже после смерти ведет себя удивительно.

– Жаль, только Чучундра может посмотреть на коммуникаторе, где сейчас Хай. – посетовал Бодрый.

Ему никто не ответил, но все заказали еще по шоту.

В кафе зашел еще один охотник, совсем молодой, но видно, что не первый день из учебки. На кармане его мундира виднелась белая госпитальная метка-пропуск, такую выдавали ходячим больным, которым разрешалось покидать стены госпиталя. Но наше внимание обратила на себя не она, конечно, а след от ультразвукового удара на шее. Такой удар могла нанести или донная платформа с приличной дистанции, или крупная мина метров со ста. Это означало, что парень подобрался к твари очень близко. А раз жив, победа осталась за ним.

Он направился было к стойке бара, но заметил наше внимание и приветливо улыбнулся.

– Русские? – спросил он.

– Русские, – ответил Бодрый. – Можешь присоединяться

к нам.

– А что празднуете? – похоже, охотник обрадовался, в надежде на бесплатное угощение.

– Долговязый торпеду убил голыми руками сегодня, – объяснил Бодрый.

– Да ну! Где же вы ее тут нашли?

– Не торпеду, а личинку МАТ-300, – поправил я. – Она не проходила через буи, наверняка икринку принесло к Змеиному мысу течением. И не голыми руками, а водомет ей в глотку засунул.

– Ни фиги себе! – Охотник воодушевился, придвинул стул к столику и представился. – Я Бак. А этот подарок от тяжелой мины с пятидесяти метров.

Он опустил воротник и дал нам получше рассмотреть след от ультразвукового удара.

Глава 4. «Бак»

Конечно, нам стало интересно, каким образом Бак умудрился нарваться на мину, да еще такой массы, что у нее имелась собственная ультразвуковая «дудка». Но когда он начал рассказ, мы рты раскрыли от изумления.

– Нарвался? – Бак рассмеялся. – Нет, не нарвался. Я шел ее убивать.

Мы переглянулись, и заказали еще три шота Баку, для смазки голосовых связок, чтобы был разговорчивее. Оказалось, он предпочитал джин, а не ром или текилу, как мы.

– Ну, эта мысль мне пришла еще в учебке, – поделился Бак, с удовольствием смахнув шот рома. – На уроках по тактике применения амфибий и батипланов в составе штурмовых подразделений охотников, я не мог отделаться от впечатления, что мы в океане производим слишком много шума, и это нам ни фига не на руку. Да, мы обзавелись неслабой огневой мощностью, нас много, и это дает локальное тактическое преимущество, например, при сопровождении караванов. Но стратегически мы проигрываем. Твари, как водится, берут числом, топят батипланы, уничтожают амфибии, сбивают гравилеты. Это все, конечно, полно героизма и очень круто выглядит со стороны, но я задумался совсем о другой тактике, в которой один охотник или малочисленная группа окажутся эффективнее трех ракетных кораблей при под-

держке пяти амфибий и десяти батипланов. Эффективнее, это значит убивать больше тварей с меньшими потерями для охотников.

Мы выпили за тактику и Бак продолжил:

– Знаете, вот, взять Великого Хая. Удивительный был человек, храбрый, везучий, природный лидер. Но, мне кажется, он изначально пошел неверным путем.

– Да уж прямо! – Чернуха надула губы, и интерес в ее глазах заметно угас. – А ты в учебке раз, и нашел верный путь.

Бак тут же сообразил, что сморозил лишнего, оглядел нас, и тут до него дошло.

– Барракуда дери! Так вы ребята из «Трех сосен»? Простите... Я не хотел ничего дурного сказать про Хая. Все знают, что он вам был, как отец. Дело в другом. Когда Хай начал охоту, у него даже дыхательного грибка не было, а тварей полным полно у самого берега. Без батиплана было в воду не сунуться. Тогда это был единственно верный путь – строительство скоростного подводного корабля с сокрушительной огневой мощностью. Но сейчас ситуация уже кардинально другая. Мы создали довольно много защищенных зон у побережья, наших форпостов. Это позволяет нам применять множество тактических схем, а не одну. Не обязательно для уничтожения одной тяжелой мины или платформы с боем пробиваться через ее охранение, не обязательно задействовать в операции сотни людей. Можно одного боевого пловца превратить в не слабую ударную силу.

– Как? – спросил я, не скрывая иронии.

– Ну, они же не телепаты! – воскликнул Бак.

– В смысле, твари? – уточнил Бодрый.

– Ну, да. Торпеды, мины, платформы, – осторожно ответил Бак. – Они не телепаты.

Стало заметно, что узнав, кто мы, он стал прогибаться под наш авторитет. Не мудрено – особая команда Великого Хая, впятером совершившая трансокеанский Переход.

– Это сомнительное утверждение, – спокойно произнесла Ксюша. – Есть мнение, что между собой они общаются именно телепатически.

– Да ни фига это не телепатия! – горячо возразил Бак. – Мне этим уже все уши прожужжали, еще в учебке, барракуда дери. К телепатии их внутренняя коммуникация имеет не больше отношения, чем гарпун к говнодаву. У каждой твари в башке стоит нейрочип с заводской биотехнологической меткой, которая отправляет гиперволновой сигнал во все стороны. Так их обнаруживает радар. Вы же не считаете, что радар основан на принципах телепатии?

Он обвел нас взглядом, но возражений у нас не нашлось. Более того, мы сами об этом задумывались, хотя и совершенно в ином контексте.

– Вот! – он опрокинул еще один шот. – Повторяю, они не экстрасенсы. Если у тебя в башке нет нейрочипа, они ни чуют тебя не могут, ни тобой управлять. Понимаете?

– Ты что, предлагаешь к ним подкрадываться? – осторож-

но спросила Чернуха.

– Почему нет? Мы привыкли бояться тварей, нам кажется, что они нас чувят на каком-то сверхъестественном уровне. Нет! У них обычные органы чувств, обоняние, очень острое, слух превосходный, ультразвуковые сонары, зрение на близких дистанциях. Но и только! Если они нас не увидели, не услышали, не унюхали, не засекли сонаром, значит нас не существует с их точки зрения. Они могут нас не заметить, как обычный зверь не замечает охотника и позволяет к себе подкрасться.

Мы задумались. В принципе, совершенно очевидно, что Бак прав. С другой, как-то очень уж странно мыслить в подобной плоскости.

– Ну, допустим, – согласился я. – Но тут ведь важно не только число органов чувств, но и чуткость тварей. Ну, давай возьмем только слух, остальное сейчас откинем. Он может быть таким острым, что тварь будет слышать биение твоего сердца.

– На каком расстоянии? – Бак улыбнулся.

– Ну... – я не нашелся с ответом.

– Вот тебе и «ну». Уши у тварей из того же мяса, что у нас. Да, слух у них намного более острый, но всему есть предел. Хотя бы потому, что у них самих тоже есть сердце, и оно перекроет стук нашего.

– Нет! – Ксюша покачала головой. – У них развитые мозги, они могут стук собственного сердца вообще игнориро-

вать. На уровне софты.

– Но все равно звук должен качнуть их барабанную перепонку, – возразил Бак. – Мощность импульса падает обратно пропорционально квадрату расстояния.

– И в воде? – уточнил я.

– Ну, точно не знаю, но все равно взрыв торпеды в десяти метрах и в километре даст разные разрушения.

– Ну, да, – с этим нельзя было не согласиться.

– Значит что? – Бак шелкнул пальцами, чтобы заказать еще один шот. – Значит есть некое безопасное расстояние от твари, когда стук нашего сердца она слышать уже не может. Я не знаю, какое именно это расстояние, но оно точно меньше того, на котором наш радар с высокой точностью показывает местоположение тварей. Можно разработать тактическую схему, основанную на эмпирических данных, с учетом безопасного расстояния от торпед и мин. Эта схема позволит пройти через боевое охранение до самой платформы, просто не потревожив ни одну тварь.

– Ты в каком отделении лежишь в госпитале? – с серьезным видом спросила Чернуха.

– В ожоговом, – на автомате ответил Бак.

– А... Я думала в психиатрии.

– погоди. – Я остановил ее жестом. – В этом действительно что-то есть.

– Что? – Чернуха уставилась на меня чуть ословелым взглядом. – Кто эти эмпирические данные будет собирать,

барракуда дери? Ты полезешь в боевое охранение, проверять, с какой дистанции на тебя бросится торпеда или мина долбанет ультразвуком.

– Насчет мины я уже проверил, – спокойно ответил Бак и опрокинул последний шот.

Мы умолкли. Очень уж весомо это прозвучало, особенно с учетом ультразвукового ожога на шее.

– Осталось подумать, как проверить насчет торпед. – Бак закусил ложкой салата. – Они, заразы, намного подвижнее.

– Мама, я в туалет, – сказала Рита, встала и скрылась за бамбуковой ширмой.

Похоже, Рита почувствовала, что мешает нам обсудить скользкую тему, не предназначенную для чужих ушей. Умница. При ней мы, действительно, просто не имели права всерьез обсуждать выкладки Бака и, тем более, высказывать одобрительное к ним отношение. Но Рите удалиться, мы тут же придвинулись ближе к середине стола.

– Можно поймать торпеду, выпустить нитрожир, и загнать в вольер около мыса, – предложила Ксюша.

– Хрен ее протащишь через радарное заграждение, – прикинул я.

– Чучундра смог бы отключить на время один буй, я думаю, – сказала Чернуха.

– Точняк, – подтвердил Бодрый. – Никому и в голову бы не пришло, что кто-то станет взламывать систему. Наверняка защиты нет.

– Дело подсудное, – предупредил Бак. – Исследование биотехов – уголовка.

– Это ненадолго, – со знанием дела заявил я. – Уже готовится пакет законов, освобождающих охотников от такой ответственности.

– Откуда сведения? – Бак удивленно вздернул брови.

– От Хая, – весомо ответил я.

Пришлось рассказать то, что знали все наши, но чего, естественно, не знал Бак.

– Еще до высадки десанта на остров, мне удалось добратъся до программатора платформы, – произнес я. – У нас был мощный ионный конденсатор довоенной разработки. Всего один, и таких уже больше не делают, и заряжать его надо год на больших мощностях. Зато если разрядить его в воду, он создавал электрическое поле такой силы, что электрошок по принципу шагового напряжения вызывал паралич у всех тварей на две минуты в приличном радиусе. Мы его снарядили в ружье, пальнули с брони батиплана, а потом на полном ходу вперед.

– А через две минуты что? – заинтересовался Бак.

– Ничего. Когда ты уже рядом с платформой, торпеды и мины ее охранения не могут тебя убить, не ранив платформу. Мы подогнали батиплан вплотную, твари рыскали вокруг, но приблизиться не могли. Я выбрался из шлюза, вскрыл отсек пульта, запустил стартовое меню и перевел боевое охранение в пассивный режим.

Я все ждал, когда Бак задаст главный вопрос – зачем мне понадобилось лезть в программатор, вместо того, чтобы расстрелять платформу с борта батиплана. Но, похоже, склонность к экспериментам была у него в крови, и ему мое поведение не показалось странным. Ну и хорошо. Не хотелось его посвящать в подробности.

Вернулась Рита. Ксюша попросила ее подготовить катер к отходу, и та радостно помчалась в пирсовую зону – очень она любила возиться с катером.

– Так, вот, – продолжил я. – В меню управления платформой было множество режимов, но, кроме управления посредством чувствительных сенсоров, там еще был один пункт меню, сильно меня заинтересовавший. Подключение по нейроинтерфейсу.

– Ого! – воскликнул Бак.

– Вот тебе и «ого». Но круче другое. Для этого способа связи с мозгами платформы нужна особая аппаратная часть. Я нажал просмотр доступных вариантов, и увидел такое, от чего офигел не слабо. Там была целая линейка биотехнологических жаберно-жидкостных скафандров, работающих по принципу нейроинтерфейса, и способных подключаться к программатору.

– Та ну ни хрена же себе! – Бак не слабо воодушевился. – Люди что, напяливали на себя биотехов?

Все, кроме Бака рассмеялись. На самом деле все мы некогда пережили шок от моего тогдашнего открытия, но дальше

было еще интереснее.

– Я рассказал обо всем Хаяю, – продолжил я. – Думал его удивить. Но это не просто, удивить Хая, а вот он всех нас удивил так, что никому мало не показалось. Знаешь легенду об острове Крысолова?

– Ну, а кто ее не знает? – Бак пожал плечами. – Типа, там до войны была флотская база, с которой сеяли в океан икру и личинки торпед. Потом началась война, земноводные биотехи противника высадились на остров, стали все крушить, а один из военных спас детей из детского дома и вместо того, чтобы увести их на корабли для эвакуации, спрятал в катакомбах под землей. За это его и прозвали Крысоловом. Корабли все потопили, а дети выжили. Когда Хай высадился на остров, там в защищенной пресноводной бухте оказались надводные корабли, и в подземельях были надводные корабли. Хай подружился с Крысоловом, они перегнали караван кораблей на Суматру, поднялись по реке в Бенкулу, взяли город под контроль, выбили из него всех прибрежных бандитов и основали первый муниципальный отряд охотников. (прим. автора: История Крысолова в подробностях описана в романе «Операция «Караван»).

– Все верно. – Я кивнул. – Теперь то, чего в легенде нет. Рядом с островом имелась подводная база, тоже в опресненной зоне. На ней Хай обнаружил несколько биотехнологических скафандров жаберно-жидкостного типа и огромное количество документации технологического характера по био-

техам. Эти скафандры, дышавшие жабрами в воде за боевого пловца и подававшие кислород ему прямо в кровь через биотехнологический катетер, были намного эффективнее грибкового дыхания, и команда Хая их много раз использовала. Затем, когда охотников стало много, выяснилось, что грибковое дыхание подходит не всем, у кого-то аллергия, у кого-то сердце отказывает, у кого-то начинается интоксикация. Тогда Крысолов предложил Хаю возродить и усовершенствовать технологию создания биотехнологических жаберных аппаратов. Хай, конечно, долго кочевряжился мол, биотехи наши враги, мы не должны опускаться до их использования в собственных целях, но потом понял, что горячится, и согласился. На острове имелся небольшой генный завод и приличный запас баралитола, чтобы производить оружие на месте по готовым матрицам. Имелись матрицы и для жаберных скафандров. Все это было противозаконно, но Крысолов и Хай по такой мелкой причине не останавливались на пути к великим целям. Благодаря документации они не только сумели воспроизвести имеющиеся скафандры, но и внесли изменения в рабочую матрицу, получая все более и более совершенные изделия.

– Ну, понятно. – Бак кивнул. – Остров в океане, никаких инспекций, все тайно и подпольно.

– Затем случилось несколько громких побед охотников, – продолжила за меня Чернуха, чтобы побережь мои связки. – Была создана база в Турции, в Мраморном море, усилены бе-

реговые базы Средиземного моря. С охотниками пришлось считаться. Тогда Хай подготовил пакет законодательных изменений, снимающих с охотников уголовную ответственность за изучение биотехов, так как изучать их было необходимо для понимания тактико-технических данных, уязвимых мест и прочего, чтобы уничтожать тварей. Сначала эта законодательная инициатива забуксовала, но чем дальше, тем понятнее было, что возрождение судовых трансатлантических маршрутов пахнет очень уж большими деньгами для Метрополии, и чиновники начали поддаваться. Создали несколько комитетов по изучению «законодательной инициативы Вершинского», разрабатывали юридические механизмы правоприменительной практики, кого считать охотником, кого нет, и так далее. Все это проходило в режиме высокой секретности, чтобы не будоражить народ, и растянулось на долгие годы. Но Хай, как обычно, отступать не собирался и постоянно контролировал ситуацию. За год до его смерти дело сдвинулось с мертвой точки, а затем появился новый импульс, так как Хай для всех теперь герой, и его законодательная инициатива стала чем-то вроде знамени. Ну и для чиновников стало проще найти способ это народу подать так, чтобы не вызвать волны отрицания.

– В общем, по сведениям из адмиралтейства, инициативу в полном объеме примут в ближайшие месяцы, – закончил я. – Она предусматривает ужесточение ответственности гражданских, вплоть до смертной казни, чтобы исключить

попытки злоупотребления, а с охотников всякую ответственность снимает.

– Отлично! – воодушевился Бак. – Это же как можно будет развернуться!

– Главное в другом, – произнес Бодрый. – С принятием «инициативы Вершинского», производство жаберных скафандров можно будет вывести из тени, полностью легализовать, а сами аппараты официально принять на вооружение.

– Обалдеть! – Бак потер руки. – Тогда моя идея приобретает еще больший смысл!

– Поэтому мы за нее и уцепились, – пробурчала Ксюша. – Просто ребенка не хотели пугать. Тебе еще долго лежать в госпитале?

– Не знаю, – ответил Бак. – Пару дней, наверное.

– Выпишешься, приезжай в «Три сосны», – предложил я. – Есть о чем поболтать.

– Я понял! – Бак улыбнулся.

– Ну, тогда бывай, охотник!

Бодрый расплатился за еду и напитки, и мы, оставив Бака в кафе, направились к катеру, который уже урчал поршневым мотором на холостых оборотах.

– Интересный крендель, – догнав нас, поделился впечатлением Бодрый.

– В самую точку, – подтвердил я. – Нам такие психи нужны.

Только мы и адмиралтейство знали, что во втором кон-

верте, полученном в наследство от Вершинского, содержались документы на предоставление мне особых полномочий по созданию новой группы специального назначения, на основе нашей команды. Целью группы была консолидация охотников с особыми данными с целью создания и развития новых тактических и стратегических схем противодействия биотехнологической угрозе. Командиром оставался Чучундра, на меня возлагались обязанности по отбору новых членов команды, а так же по созданию новых тактических идей. Задумка Бака как нельзя лучше вписывалась в это определение.

– Он еще главного не знает, – с улыбкой произнесла Чернуха, забираясь в катер.

– Во-во. – Бодрый подал руку Ксюше и та заняла место за штурвалом, рядом с Ритой.

Да, главного Бак, конечно, не знал. Как не знал этого никто кроме нас, даже члены совета адмиралтейства. Главным было то, что в подвале нашего с Чернухой дома, в пяти специальных контейнерах, в глубоком стазисе пребывали пять новейших глубинных аппаратов жидкостного дыхания линии ГАДЖ, три года назад доставленные спецрейсом с острова Крысолова, носившего теперь индекс «А-10».

– Пока неизвестно, можно ли ему об этом рассказывать, – остудила Ксюша наш пыл.

Но это она так, для проформы. Всем уже было понятно, что Бака надо брать в оборот.

Глава 5. «Новая власть»

В понедельник Рита и Мышка уехали в интернат, где будут жить всю неделю, пока мы несем службу. Чучундру из госпиталя еще не выписали, а мы на штабном гравилете отправились в ставку командования, расположенную в бухте Маракас, получать роли по табелю о боевом расписании. В отсутствие Чучундры обязанности командира нашего подразделения переходили ко мне, поэтому, когда мы прибыли в часть, я приказал всем, кроме Ксюши, выстроиться в шеренгу на плацу у летной площадки, и ждать офицера, который припишет нас к более численной группе и разъяснит нам сегодняшние обязанности. В руке я держал боевой планшет, как и положено командиру. Планшет, правда, не мой, а Чучундры, но мне был положен свой пароль, дававший много возможностей, даже ограниченный доступ к данным спутников.

Место было открытым, джунгли начинались только метрах в двухстах от здания штаба, так что солнце жарило, будь здоров, и если бы не восточный ветер с океана, с нас бы семь потов сошло. Дальше, за штабом, раскинулась мощеная огороженная площадка автопарка с техническими боксами, а за ней ангары основного воздушного звена, состоящего из полусотни гравилетов, как транспортных, так и ударно-штурмовых.

Ксюша в строй становиться не стала, а махнула нам на прощанье и сразу отправилась в автопарк, где ее ждал транспорт до береговой батареи.

Мы старались это не обсуждать, но каждый раз, когда мы получали новое служебное задание, между нами и Ксюшей возникала досадная неловкость. Дело в том, что хотя Ксюшу и не списали из отряда охотников после тяжелой взрывной контузии, но глубинный допуск ей был закрыт. Она могла нести службу в должности командира расчета береговых стационарных ракетных комплексов, что она и делала, прикрывая выход кораблей из безопасной зоны, но в глубину ей был путь закрыт. Врачи не могли взять на себя ответственность и дать глубинный допуск человеку, которого может убить давлением при погружении даже на десять метров. Именно такие последствия вызвало поражение мощной ударной волной.

Наверное, только я понимал, как Ксюша страдает от этого, потому что виду никакого она не подавала, никогда ни на что не жаловалась, но все же я знал ее лучше других, даже лучше, чем теперь ее знал Чучундра.

Впрочем, любого из нас могла ждать подобная участь. Взрыв твари в опасной близости от боевого пловца грозил ему или смертью, или полным списанием на берег, или лишением глубинного допуска. Так что тут глупо винить обстоятельства. Такая у нас служба. Кого-то раньше накроет, кого-то позже. Любой из нас к этому был готов.

Минут через пять из штаба вышел, прихрамывая, старший офицер Линь.

– Сми-и-и-и-рна! – рявкнул я.

Мы вытянулись по струнке, как того требовал устав.

– Вольно! – скомандовал Линь. – Где Чучундра?

– Получил ранение во внеслужебное время, проходит лечение в госпитале! – доложил я. – Как его заместитель, принял командование отдельной группой на себя.

– Добро. – Линь кивнул. – Думаю, справитесь без него, задача не сложная. Сегодня войдете в воздушную ударную группу, звено «Эй». Пилотом у вас будет Блиц, вы с ним хорошо сработались. Задача, как обычно, сопровождать караван, на этот раз АТ-112Е, обеспечивать радарную разведку по курсу и зенитное прикрытие, а в случае необходимости десантироваться и обеспечить поддержку гарпунным огнем в качестве боевых пловцов. Чипы к сканированию!

Мы выставили левые руки, а Линь прошелся со сканером, считал с имплантированных подкожных чипов на внутренней стороне запястья наши личные данные и глубинные допуски для занесения в боевой табель, после чего записал на них код предстоящей миссии и наши боевые роли с пометкой «принято к исполнению».

– Ваша летная площадка «Чарли-5», – сообщил он, когда закончил сканирование. – Борт 004. На-ле-во! Бего-о-о-м марш!

Мы развернулись через левое плечо, и я бегом повел

Бодрого и Чернуху в обход штаба, мимо автопарка, через ангары на летную площадку, откуда уже раздавался визг пневматических стартеров и нарастающий вой прогреваемых турбин.

Мы пробежали мимо летной зоны «Альфа», в которой располагались тяжелые гравилеты ударно-штурмовой группы, способные нести, кроме ракетной, не слабую глубинно-бомбовую нагрузку, пересекли наискось зону «Браво», занятую транспортными машинами, и оказались в зоне «Чарли», отведенной для базирования легких ударно-десантных гравилетов.

На пятой площадке уже прогревал турбины маневренный «Карбон-Кватро» европейской постройки, за штурвалом которого немец Блиц покачивал головой в такт музыке из наушников.

Мы забрались в десантный отсек и пристегнулись страховочными карабинами. Чернуха просунулась в кабину и чмокнула Блица в щеку. Тот показал знак «о'кей» и широко улыбнулся. По-английски он не очень хорошо говорил, по-русски вообще никак, а немецкого мы не знали, так что наша коммуникация ограничивалась общепринятыми жестами Языка Охотников, одинаковыми на для всех, а так же короткими репликами на английском. Зато Блиц был отличным пилотом, что уже несколько раз нас выручало.

Через распахнутые боковые люки салон продувало ветром, хоть немного прибавляя жару. Привычно пахло аморти-

заторной жидкостью, разогретым полимером и авиационной краской. Мы надели гарнитуры.

– Караван АТ-112Е, – раздался в наушниках женский голос диспетчера. – Готовность по протоколу «Дельта». Батарея «Маракас», на связь.

– На связи «Маракас», здесь Змейка, – ответила Ксюша с главного огневого пульта береговой батареи. – Есть готовность по протоколу «Дельта». Радарные данные на двадцать плюс по среднему индексу.

– Принято. Тогда предварительную артподготовку проводить не будем. Огонь по радару, с точки флагмана десять плюс.

– Есть, принято! – ответила Ксюша.

Это означало, что мы не будем ждать массированного ракетно-бомбового удара за двадцатикилометровой зоной, ограниченной буями заграждения. Ксюша начнет долбить, расчищая нам путь, когда флагман каравана отойдет на десять километров от берега.

Иногда гражданские в Пойнт-Форитине у меня спрашивали, мол, а что значит «полукольцо радарного заграждения», разве оно способно физически защитить остров от биотехнологической атаки? Это же, типа, не мины, это просто буи, подающие сигнал при проходе торпеды в защищенную зону. Тут все дело в том, что большего и не надо. Не было никакого смысла нам минировать прилегающую к острову акваторию, это бы создало лишь дополнительные трудности на-

вигации. У нас весь восточный берег утыкан ракетными батареями, бьющими на двадцать пять километров глубинными бомбами, с главным огневым пультом на артиллеристском комплексе «Маракас». А если вторжение вялое, десяток торпед, так их уничтожали путем десантирования боевых пловцов с тяжелыми гарпунными карабинами. Через пару лет это привело к тому, что платформы просто перестали нападать на защищенную зону, понимая, что это только торпеды тратить. Иногда, бывало, прощупывали нашу оборону, но в последнее время лишь малыми силами, чтобы поберечь тварей. Так что кольцо заграждения можно было смело считать чем-то вроде сетки, за которую биотехи сами проникать не спешили, а в случае проникновения тут же получали по жабрам.

Блиц поднял гравилет с площадки, а мы высунулись через люк и наблюдали с высоты, как сформированный в бухте Маракас караван из двадцати транспортных судов и четырех ракетных эсминцев боевого сопровождения выходит в открытый океан, оставляя в воде белый кильватерный след. Очень это было красиво, даже более того – величественно. Мог ли я подумать еще десять лет назад, что доживу до такого момента, когда суда с грузами будут регулярно ходить через Атлантику? Теперь же это становилось все более тривиальной нормой, и еще лет через десять, думаю, даже не каждый караван нужно будет сопровождать охотникам. В акваториях морей возникнут курорты, Ривьеру восстановят в Сре-

земке, люди будут купаться в море, а потом пить коктейли в шезлонгах под зонтиками.

Мы заложили вираж и заняли место по правому борту от каравана, согласно боевому расписанию, а гравилеты звена «Би» цепочкой выстроились по левому.

Взяв курс на восток, караван прошел вдоль северного побережья острова на удалении пяти километров от берега, затем начал удаляться от острова.

– Переодеваемся! – велел я.

Мы закрыли люки, отстегнули страховочные тросики, скинули мундиры, уложили их в предназначенные для этого рундуки, и облачились в новейшие гидрокостюмы с интегрированными боевыми каркасами и шлемами. Штука предельно удобная, раньше мы о таких и мечтать не могли. Все гладкое, обтекаемое, шлемы удобные, поднял акриловое забрало, дышишь воздухом, опустил – вот тебе герметичная сфера, способная выдерживать приличное давление, а при необходимости в шлем можно было пустить воду, что обеспечивало противодействие давлению и позволяло нырять еще глубже. Инъектор с грибком тоже встроенный, нажал кнопку на пульте, и вот тебе доза – ныряй. В общем, не чета старым, почти кустарным, моделям.

Затем мы достали из ложементов тяжелые гарпунные карабины, тоже не слабо усовершенствованные, пристегнулись страховочными тросиками и открыли люки. Ветер снова вошел в отсек.

Мы включили радары, но пока смотреть на них было нечего, просто так положено. Надел костюм, проверил снаряжение и оружие, включил радар. Штатный набор действий, много раз проделанный на тренировках.

Наконец, караван прошел отметку десятикилометрового удаления от берега.

– Батарея «Маракас» диспетчеру, – раздался в эфире голос Ксюши. – Готовность «Чарли».

Это означало, что нам надо подняться повыше. Блиц потянул рукоять управления приводом Шерстюка и мы начали стремительно подниматься.

– Здесь «Эй-2», доложил он. – Высота штатная по протоколу «Чарли».

Еще два гравилета нашего звена и три гравилета звена «Би» доложили о готовности к обстрелу.

– Батарея «Маракас», здесь диспетчер. Звенья воздушной группы заняли позицию по протоколу «Чарли». Огонь по готовности.

– Есть, принято! – ответила Ксюша.

Ну, сейчас она даст прочихаться. Наши радары еще не видели тварей, слишком далеко, но Ксюша наводила ракеты по данным буев заграждения, у нее каждый биотех в тридцати километрах от берега был, как на ладони.

Раздался мощный гул маршевых ракетных двигателей смешанный с надрывным воем хвостовых стабилизаторов. Между нами и океаном воздух расчертили десятки белых

дымных следов, каждый из которых заканчивался высоким фонтаном воды. Глубинные бомбы прошибали поверхность, погружались до заданной глубины и взрывались, убивая тварей ударной волной. Медлительные мины тут же детонировали, торпеды бросались наутек, я это уже много раз видел на экране радара. Кто бы мог подумать, что твари будут шарахаться от кораблей, а не мчаться к ним, чтобы торпедировать? Но дело обстояло именно так. Биотехам нечего было противопоставить Ксюшиной ракетной мощи, поскольку донные платформы мы все перебили, и теперь окружающие остров воды бороздили лишь патрульные стаи на разных глубинах. Они понимали, что задолго до подхода каравана их перебьют, если они не уберутся, а это противоречило базовым инстинктам, зашитым в их искусственные мозги.

Интересно, что они освобождали именно коридор, по которому пройдет караван, расходились в стороны, зная, что батарея не будет попусту тратить боеприпасы, и прекратит огонь сразу, как только расчистит кораблям выход в океан.

«Так и должна вести себя дичь при приближении охотника», – со злорадством подумал я.

Я вспомнил старинный фильм про военных летчиков, сражавшихся с фашистами. Именно оттуда я взял фразу «Прикрой, атакую», когда мы с Вершинским штурмовали двумя гравилетами наш поселок, освобождая его от власти Дохтера и спасая Ксюшу. Там было еще много запоминающихся фраз, но одна крутилась у меня в голове именно сейчас.

«Развалинами Рейхстага удовлетворен». Я знал, что Рейхстаг, это то ли штаб фашистов, то ли последний занятый ими город где-то в Метрополии. Когда вернулись наши отступившие войска, они разрушили там все, вынудили выживших фашистов на капитуляцию, а на развалинах поставили свои подписи. Мне подпись поставить было негде, разве что на туше какой-нибудь платформы, если Бак окажется прав, но развалинами былого могущества биотехов я был удовлетворен в полной мере.

– Батарея «Маракас» диспетчеру, – раздался в эфире голос Ксюши. – Работа по протоколу «Чарли» завершена. Коридор чистый.

– Принято, «Маракас». Всем силам готовность «Браво».

– Принято! – ответила Ксюша.

– Принято! – по очереди ответили командиры воздушных звеньев и капитаны ракетных эсминцев.

У меня по телу пробежала волна тонуса. Ух! Совсем скоро мы окажемся в открытом океане, где батареи не смогут нас прикрывать, и лишь от наших действий будет зависеть, дойдут ли все корабли до Гибралтара, или нет.

Караван подходил к границам безопасной зоны. Дальше все – Атлантика. Там, в темных водах, притаилось множество злобных тварей, которые не познали еще массированных бомбовых ударов, стремительных батипланов, масштабных ракетных атак под водой. Там жили торпеды, огромные мины, размером в несколько раз больше кита, жуткие дон-

ные платформы и множество мелких тварей у них в услужении. Скоро мы окажемся в их власти, чтобы в очередной раз продемонстрировать им свою.

Блиц опустил ручку управления приводом Шерстюка, и мы начали снижение, довольно быстрое, аж в животе стало щекотно. Океан и корабли, режущие волны, приближались. Наконец мы заняли эшелон всего в трехстах метрах по правую сторону от каравана.

– Здесь «Эй-2», – доложил Блиц. – Высота штатная, по протоколу «Браво».

Вот теперь начиналась наша работа. Блиц чуть добавил скорости, чтобы обогнать караван, звено растянулось широким треугольником, и мы уже не имели право отвлекаться от показаний радара. Да, пока все спокойно, твари открыли нам выход из безопасной зоны, но так будет не всегда. Рано или поздно они нападут, причем, нападут неожиданно, и мы должны быть готовы к этому.

Наконец караван миновал буи заграждения, покинув безопасную зону.

– Здесь диспетчер, – раздалось в эфире. – Готовность «Альфа». Передаю управление флагманскому эсминцу.

– Есть, принято! – ответил капитан эсминца. – Подтверждаю готовность «Альфа».

– Счастливого пути и семь футов под килем! – пожелала диспетчер.

Воздушные звенья поменяли строй, растянувшись в сто-

роны от каравана, чтобы иметь больший охват локаторами. Командир звена занял положение в семи километрах справа от каравана и на пять километров впереди по курсу, Блиц вывел машину на семь километров правее каравана позади командирской, а «Эй-3» отстал на семь километров за кормой последнего корабля. Такой строй позволял значительно увеличить дальность радарного обнаружения, не теряя в разрешении, как это бывало на пределе дальности. По сути, гравилеты двух звеньев образовывали два полукольца и выполняли ту же функцию, что радарные буи вокруг острова. Но мы, в отличие от буев, двигались вместе с кораблями, и могли не только подать сигнал тревоги. У нас имелось достаточное вооружение, чтобы дать отпор в случае серьезной биотехнологической атаки на караван.

Опыт подсказывал, что огневая поддержка требовалась всегда. Да, при выходе с острова твари расступались перед нами, но это лишь потому, что донные платформы, до которых у нас пока руки не доходили, уже имели представление о нашей тактике и бесполезности попыток противодействовать ей. Но океанские твари этого представления не имели. Для них шум винтов кораблей – это просто шум винтов. Сигнал к атаке, ничего больше. С ними точно придется драться. Иногда для этого хватало огневой мощи ракетных крейсеров, чаще нет. И тогда в бой вступали боевые пловцы. Опыт множества боевых столкновений показывал, что группа обученных охотников с тяжелыми гарпунными карабинами ока-

зывалась для защиты каравана намного эффективнее парочки батипланов. К тому же батипланов было немного, и они применялись там, где без них вообще не обойтись.

Глава 6. «Барбара»

Через час я включил боевой планшет, так как наручные коммуникаторы давали лишь самое общее представление о наличии и плотности биотехов вокруг. Планшет же позволял отображать данные радара с высоким разрешением, и, более того, формировал синтетическую проекцию, собиравшую данные со всех гравилетов воздушного звена и с ракетных эсминцев морского прикрытия. В результате я имел очень точное представление о степени биотехнологической угрозы в радиусе почти пятнадцати километров от каравана. Такую же возможность имели все командиры групп, звеньев и боевых частей надводных кораблей. Так же данные передавались диспетчеру на базу, чтобы можно было оценивать ход всех боевых столкновений и, в случае необходимости, заранее подготовить дополнительные силы.

Обстановка была средней напряженности и пока не требовала нашего вмешательства. Прямо по курсу дикие патрульные стаи иногда выходили на атакующие дуги, но с ними без труда справлялись передовые эсминцы путем нанесения нескольких ракетно-бомбовых ударов. С флангов торпеды тоже подтягивались, но, в отличие от кораблей с мощными силовыми установками, быстро уставали в режиме преследования и мы обгоняли их.

Я уселся на откидную бортовую лавку, а Бодрый и Черну-

ха по обе стороны от меня.

– С флангов пока не жмут, – произнесла Чернуха.

– Это пока мы не вошли в зону ответственности какой-нибудь из платформ, – пробурчал Бодрый. – Когда их уже вычистят все, хотя бы по маршруту?

– Их чистят, – ответил я. – Но порой легче отстреливать приближающихся тварей, чем устраивать масштабную зачистку платформ силами батипланов. Торпед на маршруте от этого меньше не станет, наоборот, в патрулирование перейдут те, что раньше состояли в боевом охранении.

– Ну, не знаю. – Бодрый вздохнул. – Я бы занялся конкретно платформами. Вот, прикинь, если Бак прав, если мимо тварей можно без боя пройти не замеченным, без шума и грохота, без флотилии ракетных эсминцев, без амфибий и батипланов. Сначала десантироваться в безопасную зону, затем тихонько, на цыпочках, подойти к платформе вплотную, и хоть ножом ее режь. Или бери под контроль.

– Да уж прямо. – Я не мог это принять всерьез. – От безопасной зоны до ближайшей платформы выйдет километров сто. Это сколько тебе надо взять картриджей для водомета, чтобы преодолеть такое расстояние? Не устанешь тащить на себе? И еще полведра грибкового препарата, чтобы дышать все это время.

– На водометах вообще не получится двигаться, – остановила нас Чернуха. – Торпеды услышат издали. А пешочком по дну топать сто километров, это я даже не представ-

ляю как.

– Никак, – согласился я.

Бодрому пришлось принять нашу правоту, но он задумался, и я понял о чем. Он поймал мой взгляд и сказал:

– В жаберном скафандре не нужен грибок. И дальность хода его водометов не ограничена, он же планктоном питается, или глюкозы ему вколол прямо в вену, и все дела.

Мы с Чернухой переглянулись. Похоже, действительно, идея Бака годилась только под новый биотехнологический скафандр. Возможно из-за того, что он был в обычном костюме, ему и прилетело ультразвуком от мины.

– У жаберного скафандра и водометы другие, – прикинула Чернуха. – Он же просто из мантии воду выталкивает, как кальмар. Никакой механики. На малой скорости по звуку его от кальмара и не получится отличить. От гребка такой боевой пловец не зависит, от топлива для водометов тоже.

– Надо у Бака узнать, какие трудности он испытывал при попытке приблизиться к мине скрытым порядком, – прикинул я. – И если именно те, которые мы сейчас выявили теоретически, тогда подумаем, что делать дальше.

– Лучше пока выкинуть это из головы, – серьезно ответила Чернуха. – Я верю, что новый закон примут совсем скоро, потому что поправка связана с именем Великого Хая. Дернемся раньше – можем провалить все дело. Попадемся и хана. Проявим терпение, сможем посвятить Бака во все на законных основаниях.

С этим трудно было не согласиться, и мы пока решили действовать по этому плану.

Между тем, по мере продвижения каравана, его начали все больше поджимать с фронта. Торпеды уже не расступались перед кораблями, а все чаще заходили атакующими курсами. Мы знали, что таким образом, жертвуя тварями, донные платформы прощупывали структуру и мощь нашей обороны. Эсминцам все чаще приходилось открывать огонь из ракетно-бомбовых установок, но в их задачу в основном входила защита каравана с главных стратегических направлений – с фронта и с тыла, тогда как на воздушные звенья «Эй» и «Би» возлагался контроль ситуации с правого и левого фланга соответственно. Поначалу торпеды просто двигались параллельными курсами, уставали и отставали, но по мере концентрации их на пути следования ситуация становилась все более напряженной и, наконец, несколько стай с обоих флангов бросились на прорыв.

– «Эй-2» флагману! – передал я в эфир. – Есть прорыв, три стаи. Атакую.

Блиц моей команде заложил ручку, вывел гравилет в широкий вираж, снизился почти до самой воды и произвел точный сброс глубинных авиабомб, по десять штук на стаю. Через пару секунд в небо ударили фонтаны вторичных детонаций, но торпеды не унимались, продолжая нас поджимать. Пришлось поддать ракетами, наводящимися на радарные метки.

Вскоре от нашего красивого строя ничего не осталось – эсминцам пришлось растянуться по фронту, чтобы увеличить сектор обстрела, а гравилеты барражировали над поверхностью океана, то сбрасывая бомбы, то выпуская ракеты широким веером, каждая из которых находила цель. Воздух на разных высотах расчертили белые линии дымных трасс, с палуб эсминцев тоже ветром сносило клубы белого дыма после каждого залпа ракетно-бомбовых установок.

Но держались мы хорошо, с одной стороны, не тратя лишних боеприпасов, с другой, выдерживая паритет между натиском и обороной. Но через час бомбы и ракеты все равно закончились, о чем Блиц известил нас жестом.

– «Эй-2» флагману, – передал я в эфир. – Мы отстрелялись, нужна дозарядка.

– Есть, принято. Ваша площадка «Чарли», дозарядку разрешаю.

Так вышло, что традиция давать имена надводным боевым кораблям не прижилась в отряде охотников. В отличие от батипланов, эсминцев было очень уж много, и каждому не придумать уникального имени, к тому же биотехи их довольно часто топили на маршах, имена освобождались, их присваивали другим кораблям, от чего возникала еще большая путаница. В конце концов от этого вообще отказались, и стали маркировать эсминцы боевого охранения названиями латинских букв в рамках каждого отдельного каравана. «Альфа» – всегда флагман, за ним ведомый в голове каравана.

на носил имя «Браво», а замыкали караван «Чарли» и «Дельта». Для радиообмена в бою этого хватало.

Блиц сбросил ход, заложил левый вираж, мы прошли над решетчатыми мачтами кораблей и поравнялись с эсминцем «Чарли».

– «Чарли», здесь «Эй-2», прошу посадочную площадку для дозарядки, – передал я в эфир.

– Здесь «Чарли», посадку разрешаю.

Через люк было видно, как на корме эсминца, где была организована посадочная площадка для гравилета, уже суетились бойцы артиллеристской боевой части, подтаскивая кассеты с боеприпасами. Блиц аккуратно завел гравилет на разметку, выровнял скорость, и посадил машину на палубу.

Заряжающая команда тут же распахнула люки бункеров, и, подавая кассеты по цепочке, принялась укладывать их в должном порядке. Шарахнул залп ракетно-бомбовых установок, расположенных вдоль бортов, затем еще и еще. Ветер принялся сдувать с корабля большое белое облако. Через пару минут командир артиллеристов подал Блицу знак «Работа завершена», тот кивнул в ответ потянул ручку управления приводом Шерстюка. Мы снова взмыли в небо и вступили в бой.

Скинув пару кассет с глубинными бомбами, мы начали выходить на штатную высоту, но тут у меня на планшете полыхнуло крупной изумрудной каплей. И тут же на панели у Блица включился тревожный зуммер, сигнализируя о по-

явлении воздушной цели. Мы вошли в зону действия одной из донных платформ, а это не сулило ничего доброго.

В принципе, основные коридоры движения межконтинентальных транспортных караванов зачищались от платформ силами батипланов, которые специально для этого время от времени перебрасывали баллистическими лайнерами на ту или иную базу. Но быстро стало понятно, что это занятие достаточно пустое, поскольку платформы, пусть и медленно, все же умели перемещаться, подтягиваясь по дну на якорных жгутиках. Не все, не всегда, но умели. Особенной прытью тут отличались бесшахтные платформы-матки океанского класса. В морях они вообще не встречались, да и в океане на мелководьях чаще вырастали двадцатишахтные «Валентины» с внешним циклом личиночного роста ракет. Платформы-матки были обитателями океанского дна, вообще не имели полостей-шахт, и даже не стреляли ракетами. Они лишь непрерывно метали икру и управляли собственным боевым охранением.

Из икры вылуплялись личинки, которые питались самостоятельно, подобно торпедам, но формировались из них ракеты, пусть и не очень больших калибров. Впрочем, они были вполне способные сбивать гравилеты, а большего от них и не требовалось. Этим платформам адмиралтейство присвоило класс «Барбара», когда с ними впервые столкнулись при разметке первых постоянных караванных путей. Оказалось, что они не просто мечут икру вокруг себя, а полза-

ют по дну, подобно гигантским улиткам, и оставляют ее позади себя длинными шлейфами. Затем из них вылупляются личинки, цепляются жгутиками за дно, питаются, растут, и ждут команды платформы на пуск. Когда команда поступает, они всплывают до самой поверхности, там врубают маршевый двигатель на нитроклетчатке, взмывают в небо и поражают цель. Для нанесения ударов по наземным целям эти ракеты совершенно не годились, заряд у них слишком маленький, да и вообще выращивать ракеты вне шахт, вдали от платформы, способной их прикрыть ультразвуком от естественных морских хищников, было не очень эффективно. Сами они были беззащитны, взрываться под водой не могли, без риска убить все поле вторичными детонациями, их постоянно жрали акулы, как выяснилось, но, в то же время они создавали целые ракетные поля, способные поднимать в воздух десятки и сотни тварей одновременно. Некоторые ракеты цеплялись жгутиками к телу платформы, и у них выживаемость была выше, так как платформа могла их хотя бы от акул ультразвуком отбить. Это позволяло ей таскать выводок уже взрослых ракет, а не ждать каждый раз, когда они вырастут.

Я когда увидел ракету на радаре, я еще не знал, какая платформа нас атаковала, но уже через миг до меня дошло, что здесь, на постоянной караванной трассе, появиться могла только «Барбара».

На самом деле все произошло за секунды. Сначала цель

у меня на планшете, затем зуммер на панели Блица, а потом мысль, что это «Барбара», и если вокруг нее выросло целое ракетное поле, то нам конец. Потому что никаких зенитных средств не хватит, если в воздух поднимутся сотни ракет, пусть даже небольшого калибра.

– «Барабара»! – выкрикнул я, на случай, если кто не понял. И добавил в эфир: – Флагман, «Эй-2», возможно «Барбара».

Бодрый молодец. Не человек, а ходячий набор рефлексов. Я еще договорить не успел, а он уже сорвал с элемента тяжелое ракетное ружье и зарядил его самонаводящимся зенитным снарядом. Один взгляд на экран планшета и выстрел. Снаряд ушел вдаль, оставляя витой дымный след в воздухе, и рубиновую трассу на экране планшета. Бодрый тут же перезарядился, в ожидании новой цели. Чернуха тоже схватила ружье, но стрелять больше пока было некуда. Блиц обернулся и показал Бодрому, мол, ну ты даешь!

Вообще, по боевому расписанию, первая угроза с воздуха предотвращается пилотами гравилетов, у них для этого имелись самонаводящиеся малокалиберные ракеты, не хуже тех, какими снаряжались тяжелые ружья. Но никто не успел пальнуть раньше Бодрого. Мы глянули на него, а он лишь пожал плечами.

– Кажется, пронесло, – осторожно произнес я. – Возможно, она недавно приползла, поле еще не вырастила, а на себе притащила немного, прощупала оборону, и решила поэко-

НОМИТЬ.

— Обычно на себе они таскают столько, сколько поместится на туше, — резонна заметила Чернуха.

Она была права, и расслабляться не стоило.

— Флагман, всем средствам! — раздалось в эфире. — Ракетная угроза первого уровня! Всем быть наготове до команды «отбой ракетной угрозы».

Командиры групп отрапортовали о принятии приказа.

— Флагман, «Эй-2». Отличная работа, спасибо!

Бодрый довольно улыбнулся. И тут «Барабара» ударила по нам всерьез. Почти одновременно из океана в небо взмыло два десятка ракет, но тут уже Блиц и другие пилоты не дремали, вовремя сориентировались, и ответили широким веером дымных следов. Каждая авиационная ракета навелась и по радарной, и по тепловой метке, так что промаха там быть не могло — сколько выпустили, столько раз попали.

Эсминцы же начали молотить из ракетно-бомбовых установок по торпедам, которые, по команде «Барабары», тоже массированно бросились в атаку. Мы держали воздух, корабли держали море. Но после первого залпа платформа дала второй, из тридцати ракет, а затем еще один, сразу из пятидесяти, отстреляв, похоже, весь свой носимый боезапас. Но нам и имеющегося было достаточно. Гравилеты тут же ударили ответным залпом, но огня у них не хватило, потому что у каждой машины было лишь по десять направляю-

щих для ракет «воздух-воздух», затем происходила автоматическая перезарядка, но на нее нужно было время. Бодрый с Чернухой сбили еще две ракеты, затем подключилась зенитная батарея флагманского эсминца, и совместными усилиями мы почти расчистили небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.